

считал обязательным везде произношение твердого Ц. Противоречивые рекомендации в данном случае В. Н. объяснял различиями, существующими между локальными разновидностями литературного языка. Волконский и Щерба не были носителями московского произношения. Мягкость Ц — петербургская черта. В Москве так не говорили. Цявловский, вспоминал В. Н., был москвич, и его друзья-москвичи произносили или [цы]вловский или [ца]вловский (реже), а не [ц'а]вловский, как предлагал Щерба.

В. Н. считал неправомерным использование знака [Λ] (крышечки) в транскрипции московского литературного произношения. В первом предударном слоге после твердых согласных в соответствии с московской нормой произносится гласный А полного образования, мало отличающийся от гласного ударного слога. Звук же, обозначаемый крышечкой, обычно появляется в речи окальщиков, переходящих к аканью. Крышечка более уместна в транскрипции ленинградского произношения. В. Н. ссылаясь на Н. Н. Дурново, отмечавшего различия между ленинградской и московской фонетической моделью слова. Ленинградцы склонны удлинять второй предударный слог и сильнее, чем москвичи, редуцировать (сокращать) первый предударный слог.

В. Н. требовал строгого и точного употребления терминов. Мне вспоминаются его любопытные и поучительные замечания по поводу моих рассуждений о регулярном действии или ослаблении тех или иных фонетических законов в XX в. по сравнению с предшествующими эпохами. Я называла законами и ассимилятивное смягчение, и ассимилятивное оглушение, и озвончение согласных, на что В. Н. мне говорил: «Что же Вы думаете, что каждый раз в акте речи осуществляется закон — каждый раз оглушаются или смягчаются согласные? Все это совсем не законы для современного русского языка. Фонетический закон действует один раз, когда изменяется язык, а потом действует модель».

В. Н. считал, что вопросы сценического произношения требуют не только углубления в историю и диалектологию языка, но и понимания стилистических проблем, и в беседах нередко касался вопросов стилистики, в частности стилистики произношения. Стремление к терминологической определенности проявилось и в этом вопросе: В. Н. критически относился к разнообразным неточным употреблением слова «стиль». Полный и разговорный стили, выделенные Л. В. Щербой [8, с. 22; 9, с. 142, 143] на основании различий в степени тщательности произношения, по мнению В. Н., никакого отношения к произносительной стилистике не имеют, так как проблема тщательности речи — стремление лучше донести до слушателя определенное содержание — не выходит за рамки собственно коммуникативных проблем. В «полном стиле» Л. В. Щербы происходит приспособление речи к специфическим условиям общения (говорение тугоухому, говорение из соседней комнаты), в то время как стилистическая задача сложнее: в стилистически окрашенном тексте всегда присутствует некоторое дополнительное сообщение помимо основного, являющегося целью высказывания.

Проблема правильности в языке, по мнению В. Н., также всецело связана с его коммуникативной функцией, поэтому противопоставление «строгая речь — свободная речь», предложенное Р. И. Аванесовым, также находится за пределами стилистики. То, что Р. И. Аванесов [10, с. 16—19] называл книжным, разговорным и просторечным стилями, В. Н. считал типами речи. Стиль он понимал как категорию исторически обусловленную. В. Н. исходил из положения, что «стилистическое средство обязательно для всех говорящих» («в языке все обязательно, а в речи произвольно»). Поэтому он соглашался с утверждением М. В. Панова [11, с. 113] о том, что эканье, ослабление ассимилятивного смягчения согласных, произношение безударных гласных без качественной редукции — недостаточно выразительные приметы высокого стиля, так как есть носители литературного языка, в нейтральной речи пользующиеся этими вариантами нормы. Но основная причина стилистической невыразительности указанных фонетических черт, по мнению В. Н., в том, что их историческая судьба не благоприятствовала их повышению. Не было исторических причин стать «высокими». В. Н. подчеркивал,